

СМЕХ ПРАЗДНИЧНЫЙ, ИНТЕРЕС ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Аннотация. Исследования социально-политического значения праздника невольно натолкнули на мысль: существуют ли равновеликие регулятивы общественного состояния, которые формируют человека, но без техник устрашения? Под силу ли празднику с его характерными «эмоциональными атрибутами» — весельем, смехом и радованием, в определенных жизненных ситуациях стать именно таким средством воспитания? Возможно, что когда-нибудь человечество будет выстраивать отношения преимущественно на основаниях гуманности и сбережения друг друга...

Ключевые слова: философия, праздник, смех, страх, смерть, политическое, власть, культура, социальное, сорадование.

Исследования социально-политического значения праздника¹ невольно натолкнули на мысль: существуют ли равновеликие регулятивы общественного состояния, которые формируют человека, но без техник устрашения? Возможно ли достижение нужного, с точки зрения правящих, результата, но в режиме более щадящем, ведь «население само по себе есть одно из слагаемых богатства; ...оно — его надежный и неисчерпаемый источник»²? Под силу ли празднику с его характерными «эмоциональными атрибутами» — весельем, смехом, радованием в определенных жизненных ситуациях стать именно таким средством воспитания? Утопия, но будем надеяться, что человечество когда-нибудь начнет выстраивать отношения преимущественно на основаниях гуманности, сбережения друг друга...

Не вызывает сомнения, что воздействие страхом, пожалуй, один из мощнейших ресурсов управления и индивидом, и обществом. Но, с другой стороны, не менее древнюю историю существования и влияния на человека и общество имеет праздник: порожденный человечеством, его значение нельзя недооценивать.

В этой связи попытаемся выяснить: *во-первых*, природу смеха, как производного праздничных отношений; *во-вторых*, степень интереса властных структур к феномену смеха; *в-третьих*, сравним

силу влияния смеха и страха на человека. С целью последнего, проанализируем технологии, с помощью которых и смех, и страх используется властью в качестве рычагов воздействия на народ, исследуем эффективность этого воздействия.

Сравнивая феномены смеха и страха, необходимо помнить, что существуют рассуждения о ситуациях, где боязнь или страх носят конструктивный характер. Например, страх приобретает позитивную оценку в философских концепциях М. Хайдеггера и А. Камю.

Согласно М. Хайдеггеру, страх трактуется как основная, фундаментальная настроенность человеческого бытия и единственное средство, чтобы вырваться, благодаря переживанию этого чувства, из определенного, неконкретизированного, отчужденного мира. В таком случае, автор воспринимает страх не только в качестве конкретного душевного состояния, но и как возможность для постижения пределов собственной экзистенции. М. Хайдеггер очень тонко «разводит» указанные смыслы, вкладывая их содержание в понятия «страх-боязнь» и «страх-ужас». В первом случае, это есть результат повседневного столкновения человека с конкретными, чуждыми ему силами, а, во втором, — способ постижения подлинного смысла человеческого существования через противопоставление экзистенции. Последнее, по его мнению, определяет последующие ориентиры рефлексии и деятельности человека (как совокупного родового существа), пережившего страх перед Ничто³.

¹ О природе политического праздника более подробно см.: Лаврикова И. Политический праздник: культурно-философская интерпретация. Монография. Saarbrücken, Germany: LAP, 2012.

² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 403.

³ См.: Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 78-79.

Полагая Ничто пределом человеческого существования, М. Хайдеггер спрашивает: «Случится ли в бытии человека такая настроенность, которая подводит его к самому Ничто?». Ответ выглядит так: «Это может происходить и действительно происходит — хотя достаточно редко — только на мгновенья, в фундаментальном настроении ужаса (страха)», которому «...присущ какой-то оцепенелый покой. ...Не остается ничего для опоры. ... Ужас приоткрывает Ничто»⁴. Понимая глубину человеческих переживаний, тревог и страданий в результате столкновения с чем-то непонятным, ирреальным, М. Хайдеггер придает страху статус онтологический, а страх смерти называет основным иррациональным модусом жизни. Попробуем следовать рассуждениям М. Хайдеггера, хотя это чрезвычайно сложно... Страх ухода, неминуемое расставание с вибрациями и зовом всего живущего, придает крайнюю остроту убегающему времени; вынуждает невольно соотносить происходящее «сейчас» с предопределенным, финальным в этой жизни событием, дата свершения которого закрыта от нас наглухо...

По мнению А. Камю⁵, социальный страх может быть и конструктивен, как средство, объединяющее людей, способных противостоять врагам. Центрами подобной консолидации становятся, как правило, те, кто профессионально встречается с опасностями, страданиями и полуманными судьбами других людей. Скажем, разглядеть в «крысах» приближающуюся эпидемию «чумы», выработать в связи с этим протестные технологии, смогут только образованные гуманисты, способные страх победить действенно. Вокруг них могут сплотиться те, кто желает очищения собственной совести, отмщения прошлой трусости и жизненных потерь, нереализованной мечты и т.д.⁶ Согласно А. Камю, социальный страх в нас живет постоянно, в готовности, выплеснувшись наружу, парализовать нашу совесть и отнять свободу...

Принимая все сказанное, мы должны понимать, как многое из того, что происходит вокруг, зависит от нас самих, в том числе и отношение к страхам. Как важно, в этой связи, свою собствен-

ную жизнь выстраивать так, чтобы краткий ее миг не был бездарно растерян на суетное; чтобы сосредоточиться на внутреннем росте и обретении гармонии, потому что счастье, как известно, приходит изнутри и никогда извне...

Поскольку пессимистические, депрессивные настроения и страхи, «поглотившие» современное постиндустриальное общество, преодолевать необходимо, философия последних лет, особенно в части философской антропологии, пытается выработать средства снятия подобных индивидуальных и общественных состояний, в том числе и с помощью праздника с его особым механизмом праздничности, который дарует людям свободу, радость, веселье и смех. На последнем, самом ярком, сугубо человеческом выражении настроения вообще и, праздничного состояния в частности, мы остановимся несколько подробнее. «...Смех как смех-над-самим-собой, — писал Е. Финк, — свойственен лишь существу, существующему как конечная свобода»⁷.

Философия смеха имеет свою определенную историю: этой, исключительно человеческой, способностью начали интересоваться еще в Древней Греции. Например, отмечая важность веселого и бодрого настроения врача и больных для борьбы с болезнями, *Гиппократ*, в одном из своих медицинских трактатов (точнее, в так называемом «Гиппократовом романе») анализировал «безумие» Демокрита, выраженное его смехом. Смех этот (философский, миросозерцательный) имел предметом человеческую жизнь с ее пустыми страхами и надеждами на богов и загробную жизнь. Смех Демокрита — это целостное мировоззрение, «...некая духовная установка возмужавшего и проснувшегося человека»⁸.

Известным теоретиком смеха считается *Аристотель* с его знаменитой формулой: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех»⁹, так как смех представляется высшей духовной привилегией того, кто наделен разумом и духом. По версии Аристотеля, начиная смеяться не раньше, чем на сороковой день после рождения, ребенок именно с этого момента и становится человеком.

⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 36-37.

⁵ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990; Камю А. Чума // Камю А. Избранное. М., 1988.

⁶ См.: Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 121.

⁷ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 389.

⁸ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. С. 79.

⁹ Аристотель. О душе // Соч. М., 1978. Т. 3. Гл. 10.

Лукиан, еще один теоретик смеха, известен произведениями «Менипп, или Путешествие в подземное царство» и «Разговоры в царстве мертвых»: «...Если ты уже вдоволь *насмеялся над тем, что творится на земле*, [Диоген советует] отправиться к нам (то есть в загробной царство), где можно найти еще больше поводов для смеха: на земле тебе мешали смеяться кое-какие сомнения, вроде постоянного: «кто знает, что будет за гробом?» — *Здесь же ты беспрестанно и без всякого колебания будешь смеяться...*»¹⁰.

Согласно предложенным концепциям смех универсален, имеет миросозерцательное начало, он исцеляет и возрождает, при этом неизбежно связан с основными философскими вопросами о существовании жизни и смерти.

Естественно, что данными теоретизациями интерес к смеху не исчерпывается и, более того, как представляется, опыт становления и развития культурфилософских представлений о природе смеха и смеховой культуре огромен. В качестве примера неоднозначности смехового феномена в жизни общества, мы выделили некоторые его разновидности на основе известной концепции А. Бергсона.

Итак, по А. Бергсону¹¹, смех в сфере социума и политики — это:

- ✓ «*вид общественного жеста*», своего рода *общественная реакция* на «косность характера, ума и даже тела», которая способствует взаимопониманию, взаимоприспособляемости между людьми и сообщает «гибкость всему тому, что может остаться от механической косности на поверхности социального тела»¹²;
- ✓ *полезная цель общественного совершенствования*: отчасти это элемент эстетики, когда человек перестает заботиться о самосохранении;
- ✓ *мера общественной выучки, проявление двойственного характера комического*: он не принадлежит целиком ни искусству, ни жизни;
- ✓ *лекарство против тщеславия*: тщеславие порождено обществом, но стесняет его; смех

нейтрализует яды, в незначительной степени выделяемые обществом, а тщеславие есть смешной недостаток;

- ✓ *отдохновение*: комичная личность, как правило, действует автоматически, думает, говорит как во сне (сон как отдохновение);
- ✓ *отдых от жизни*: комичное поведение позволяет быть рассеянным, не считаться с условиями и логикой, играть; игра помогает отдохнуть от суеты, проблем;
- ✓ *охранитель жизни*: в его причине должно быть нечто, посягающее на общественную жизнь; смех становится оборонительной реакцией на легкий испуг;
- ✓ *показатель пустого усилия*: возникает на фоне ожидания, а разрешается ничем и внезапно;
- ✓ *вид сумасшествия*: болезни никогда не вызовут в нас смех, они вызовут в нас сострадание; смех несовместим с душевным волнением, поэтому он будет вызываться скорее таким сумасшествием, которое совместимо с общим здоровым состоянием ума;
- ✓ *исправление*: на фоне пересечения особой рассеянности людей и событий он выражает коллективное несовершенство, требуя немедленной ситуативной коррекции;
- ✓ *обезоруживание*, в том случае, если речь идет о недостатках: всегда трудно провести грань между крупным или мелким. «Не потому недостаток незначителен, что вызывает наш смех, а потому, что он вызывает наш смех, мы его находим незначительным»¹³;
- ✓ *кара в той зоне, где человек человеку становится просто зрелищем*, что способствует закаменению тела, ума и характера; общество естественным образом заинтересовано в устранении этих качеств для большей гибкости и согласованности;
- ✓ *вид устрашения*: он по природе своей не может быть воплощением абсолютной справедливости, а тем более воплощением доброты. Его цель, унижая, устрашать.

Даже беглый анализ разновидностей смеха, предложенный А. Бергсоном, позволяет обнаружить совпадение ключевых задач данного феномена и феномена праздничного действия: отдыхая, учить и учиться. Необходимо отметить, что интерес к значению смехового во властных

¹⁰ Лукиан. Сочинения. Т. 1. Издание Сабашникова / Перевод, под ред. Зелинского и Богаевского. М., 1915. С. 188. Цит. по: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. С. 81.

¹¹ Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1992.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1992. С. 87.

структурах вполне обоснован. Неисключено, что подобное внимание имеет ряд оснований, среди которых значимыми представляются следующие: во-первых, способность с помощью смехового действия воспитывать; во-вторых, невозможность реакцию на это действие контролировать.

Сказанное возможно аргументировать выкладками из М.М. Бахтина, который, анализируя природу средневекового смеха, в частности, пишет: «...Смех менее всего мог становиться орудием угнетения и одурманивания народа. И его никогда не удавалось сделать до конца официальным. Он всегда оставался свободным оружием в руках самого народа...», при этом «средневековая серьезность» (речь идет о власти) «...была изнутри проникнута элементами страха, слабости, смирения, резиньяции, лжи, лицемерия или, напротив, — элементами насилия, устрашения, угроз, запретов...»¹⁴.

Вывод, принадлежащий М.М. Бахтину, представляется актуальным и на сегодняшний день, ведь правящие остаются бессильными перед возможностями смеховой культуры до сих пор. В этой связи интересен опыт, накопленный Ю.Б. Боровым¹⁵ в сборниках исторических анекдотов и преданий; здесь примечание автора важно: на соби́рание подобного материала люди откликались...

Во вступлении к одному из сборников Ю.Б. Боров пишет: «Судьба этих преданий была в чем-то более счастливее, чем судьба печатного слова тех лет. В них ничто не лакировалось..., ничто не отсекалось. ...Я предлагаю предания ...как свидетельство о духовной жизни народа. ...Предания о Сталине важны для понимания истории духа... Образ, который создал народ, является истинно шекспировским по своей социальной и эстетической многогранности. ...Народная память пережила и победила тирана. В этой связи социальное бытие анекдотов не лишено героизма...»¹⁶.

Далее, приведем несколько особо острых, с нашей точки зрения, анекдотов и притч, зафиксированных и опубликованных этим автором:

- «Полбеда, если барин становится хамом, беда, если хам становится баринном»¹⁷.
- «Когда умер Сталин, многие плакали... А. Ахматова сказала: “Наркоз пройдет“»¹⁸.
- «Стали умер, ну и культ с ним»¹⁹.
- «Фанатик — человек, удваивающий усилия в борьбе, когда ее цель потеряна»²⁰.
- «Культпросвет — просвет между двумя культурами»²¹.
- «Затем стоит он у кормила, / Чтобы оно его кормило»²².
- «Советские люди живут в раю: ходят голые, едят фиги»²³.
- «Вопрос анкеты: “Были ли Вы репрессированы, а если нет, то почему?”»²⁴.
- «Дед говорит Хрущеву:
- Догнать Америку — это мы запросто. А вот перегонять не надо.
- Почему?
- Чтобы они нашу голую задницу не увидели»²⁵.
- «Брови Брежнева — это усы Сталина, поднятые на новую высоту»²⁶.

Конечно, это лишь незначительный объем материала, с которым пришлось ознакомиться, выполняя исследования, но и приведенного текста достаточно, чтобы понять, как непросто тот народ, частью которого мы являемся.

В качестве дополнения к экскурсу в историческое прошлое нашей страны представляется справедливым соприкоснуться с элементами «смехового мира» Древней Руси. Возможно, именно в этот период времени и начинает оттачиваться фольклорное мастерство по части политического?

¹⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. С. 108.

¹⁵ См.: Боров Ю.Б. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. М.: Звонница — МГ, 1995; Боров Ю.Б. Краткий курс сталинизма в анекдотах и преданиях. Омск, 1991; Боров Ю.Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М.: Книга, 1991.

¹⁶ Боров Ю.Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М.: Книга, 1991. С. 6-11.

¹⁷ Боров Ю.Б. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. М.: Звонница — МГ, 1995. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 242.

¹⁹ Там же. С. 246.

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ Там же. С. 257.

²² Там же. С. 278.

²³ Там же. С. 289.

²⁴ Там же. С. 293.

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Там же. С. 281.

Что есть «смеховой мир» Древней Руси? По мнению Д.С. Лихачева, несмотря на то, что национальные и эпохальные особенности древнерусской смеховой культуры окончательно не определены, все же некоторые ее особенности²⁷ охарактеризовать удалось:

- ✓ смех созидает мир антикультуры, который противостоит культуре осмеиваемой и создает основания для культуры более справедливой;
- ✓ антикультура, антимир Древней Руси противостоит не просто миру реальному, а в высшей степени миру идеальному. Смеховой антимир богохулен, так как противостоит святости; беден, так как противостоит богатству; бесстыден, противопоставляясь церемониям и этикету; наг, бос и неприличен в отличие от приличного и одетого;
- ✓ в эпохальном отношении древнерусский смех принадлежит к типу смеха средневекового;
- ✓ самая характерная особенность средневекового, а, следовательно, и древнерусского смеха направленность на самого смеющегося; который изображает себя неудачником, дураком, «валяет дурака»;
- ✓ в скрытой и открытой форме «валяния дурака» подвергается критике мир реально существующий, разоблачаются царящие в нем отношения и социальная несправедливость;
- ✓ национальная русская форма смеха — балагурство, разрушающее значение слов и коверкающее их внешнюю форму; рифмование, сопоставляя разные слова, слово «оглупляло» и «обнажало»;
- ✓ юродство есть вид дурачества, в котором мир культуры и антикультуры как бы опрокинуты; поведение юродивого есть демонстрация лицемерия, несправедливости и несоответствия культурного мира нормам христианства;
- ✓ самая своеобразная черта — трансформация смехового мира юродивыми: в отличие от окружающих он «видит и слышит что-то истинное, настоящее за пределами обычной видимости и слышимости»; это вид особой социальной критики социальной несправедливости.

Хотелось бы несколько подробнее остановиться на *дурости*, *глупости* — важнейшем компоненте древнерусского смеха, который разрешался-воплощался в образе дурака и юродивого.

²⁷ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 3-7.

Что такое «древнерусский» дурак? В соответствии с характеристикой Д.С. Лихачева, «это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, — разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек ошибочно ею пользующийся»²⁸.

Д.С. Лихачев уточняет, что нагота и обнажение были чрезвычайно значимы в культуре того смеха, так как использовались в качестве приема, демонстративно освобождающего от забот, грехов и мирской суеты. Подобное обнажение носило уравнивающий социальный характер и, таким образом, удавалось реализовывать ключевую функцию смеха — «обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества»²⁹.

Что же дурость? Дурость, в таком случае, как прием использовалась для обнажения ума «от всех условностей, от всех форм, привычек». Право видеть и говорить правду давалось дуракам, ведь они были смелыми, честными и правдивыми: «Они веселы, как веселы люди, ничего не имеющие. Они правдолюбцы, почти святые, но ... «наизнанку»»³⁰. «Голая» правда дурака, как «смех голого, ничем не дорожающего», обнажала происходящее в реальности.

Что есть древнерусское юродство? Юродство будучи «серьезным» вариантом смехового мира есть культурное явление комплексное.

Юродство — зрелище «странное и чудное», представляется:

- ✓ видом дурачества;
- ✓ демонстрацией общественного протеста;
- ✓ разновидностью шутовства;
- ✓ видом заступничества.

Итак, по порядку. Будучи плотью народной культуры, юродивый в качестве своего основного приема действия использует дурачество³¹. В культурологических работах подмечается параллель:

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Там же. С. 16.

³⁰ Там же.

³¹ В словарях XVI-XVII вв. слова «юродство», «глупость», «буйство» стоят в одном синонимическом ряду. См.: там же. С. 100.

Иван-дурак есть светская параллель юродивого «Христа ради»; Иван-дурак всегда «осужден» быть победителем. Интересно, что западный фольклор таких аналогов не имеет³².

Кроме того, юродство использует, заимствуя из фольклора, притчи и загадки. Таков один из приемов общения со зрителем: есть мнение³³, что загадка есть основополагающий принцип языка юродивого. Юродивый активно использует жесты: «Все юродство, говоря фигурально, — так указывается в источнике, — это жест — загадочный и парадоксальный»³⁴. Юродивый подобно миму обращается к зрителю, выполняя задуманную им коммуникацию. Жесты бывают также игровыми и парными: в толпу бросаются камни, она отвечает тем же. Основой подобных взаимоотношений является контраст: лицедей нагой и безобразный, толпа понимает, что у него душа ангела; он смеется, но толпа плачет...

«Мудрый безумец» или «убогий дурачок» активно обличали пороки общества. «Их считают пророками и весьма святыми мужами, — писал Дж. Флетчер, — почему и дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения... Если такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было, то ему ничего не возражают, а только говорят, что заслужили это по грехам... Блаженных народ очень любит, ибо они ...указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет»³⁵.

Согласно В.О. Ключевскому, «духовная нищета в лице юродивого являлась ходячей мирской совестью, “лицевым” в живом образе обличением людских страстей и пороков и пользовалась в обществе большими правами, полной свободой слова: сильные мира сего, вельможи и цари... терпеливо выслушивали смелые, насмешливые или бранчивые речи блаженного уличного бродяги, не смея дотронуться до него пальцем»³⁶.

Феномен юродства объединял протесты разного рода: прежде всего, сам способ существования юродивых — бесприютность и нагота — протест благополучию и бездуховности, далее, изнурение,

«нечувствительность» (основанный на желании, прежде всего, личного спасения) — молчаливый протест жизни во грехе. Еще одна форма протеста — осмеяние мира или «шаловство», что может себе позволить исключительно нравственный человек. Необходимо учитывать, что в Москве того времени существовал запрет на смех и веселье. «...Если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них как подвижник, — свидетельствует Павел Алеппский, — ...он должен упразднить шутки, смех и развязность...»³⁷. Смех считался проявлением бескультурья, «устойчивой примета беса», но снятие данного запрета было позволительно только юродивым.

Противостоя рутине, юродивый стремится своим зрелищем «возбудить» равнодушных. Не смотря на внешнее со скоморошьюм, увеселяющим, зрелище юродствующего учит. Он, как персонаж, безусловно, гротескный, «балансирует на рубеже комического и трагического», привлекая к действию толпу, ведь «юродство обретает смысл только в том случае, если разворачивается ...на глазах у людей, если становится общедоступным зрелищем. Без постороннего глаза ...оно попросту невозможно»³⁸.

Юродство как шутовство выглядело следующим образом: дурак, признавший себя таковым, по сути дураком не является. В таком случае, юродивый есть неподдельный мудрец, лишь дураком притворяющийся.

Юродивые были общественными обличителями и заступниками, намеренно из мира себя «извергшими». Неслучайно их корпоративной приметой стала собака — знак отчуждения со времен кинизма. «Отчуждая себя от общества, надевая вериги юродства, подвижник, — отмечает Д.С. Лихачев, — как бы получает позволение обличать». Не призывая к переменам, юродивый протестует без бунтарства, он — не радикалом, и не реформатором. Юродивый, не посягая на общественный порядок, «...обличает людей, а не обстоятельства. Это, в сущности, резонер, консервативный моралист. ...Классический юродивый —

³² Там же. С. 101.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 113.

³⁵ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб, 1911. С. 142-144. Цит. по: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 116.

³⁶ Ключевский В.О. Соч., т. III (Курс русской истории, ч. 3). М., 1957. С. 19. Цит. по: там же. С. 116.

³⁷ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 2 (От Днестра до Москвы) / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 1897. С. 101. Цит. по: там же. С. 123.

³⁸ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 85.

протестующий одиночка»³⁹. Известно, что отказ от юродства произошел в эпоху церковного раскола и появления оппозиционной старообрядческой партии, ассимилировавшей юродивых. Но, не следует умалять роль правящих⁴⁰, которые стали подвергать этот институт лицедейства гонениям, одновременно преследуя и староверов, находя в них нечто схожее с юродивыми. Причиной всему стал процесс активной европеизации России: «...Те и другие были помехой на пути европеизации, и эту помеху надлежало устранить во что бы то ни стало»⁴¹.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что по свидетельствам современников юродивые не обманывали народного ожидания, и протест против злоупотреблений властелина юродству непременно сопутствовал⁴². Очевидно, каждому явлению свое время и свои зрители, но то, что юродство — это ярчайший и серьезнейший феномен смехового мира, не признать нельзя.

В контексте сказанного хочется внести дополнение: если мы говорим об организации жизни общества, хотим изжить существующие в нем пороки и двигаться дальше, то, ни репрессии, ни ужесточение законов, ни более суровые наказания в этом стремлении не помогут. В совершенствующемся обществе более требовательными и властными должны быть нравы, а более устрашающими — законы нравственности⁴³.

Как прозорлив был Ш. Монтескье, который отвергал, в таком случае, самодостаточность политики устрашения. По этому поводу он писал: «...Слишком туго натянутые бразды скоро ослабевают. Воображение привыкает к большей каре, как оно привыкло к прежней меньшей; и так как в результате ослабевает страх перед этой меньшей карой, то появляется необходимость распространять большую на все случаи»⁴⁴.

Поскольку попытка подчинить смех и праздничность (только в по причине полного запрета) никому из правящих не удавалась, попробуем выдвинуть собственную версию такого «силового бессилия».

Для аргументации данного предположения мы проведем сравнительный анализ влияния смеха (в том числе праздничного) и страха на общество, уточним: речь идет об этих феноменах как практиках-техниках воздействия на народ. Главным образом, возможность их использования властью заставляет тщательно разбираться в природе и функциях этих антиномий-полюсов человеческой жизни.

«Полюс “Смех”» — это, прежде всего, яркая форма культуры, сопровождающая праздники, ритуалы, традиции и пр.; часть национального богатства, созданного «низами»; кроме того, своего рода концентрат человеческих реакций на возможные потери, в том числе и от действия властей (воплощается в анекдотах, байках, притчах и т.д.). Наконец, явление, сознательно разрушаемое правящей элитой с помощью насквозь цензурированного, рекомендованного «эрзац-смеха» по причине малой изученности смеха искреннего, истинного, действительного. Почему? Возможно, с целью приглушить интерес к природной силе смеха, или потому, что для власти смех сильнее страха как яркий консолидатор и эффективное средство общественного выздоровления.

«Полюс “Страх”» — это то, что устойчивее, живучее, чем смех; используется властью активнее (скажем, «излюбленная» форма власти), чем смеховые формы; кроме того, регулярно, методически транслируется на все слои общества с помощью специальных инструментов (оснований устрашения) в виде насилия и закона. Еще Н. Макиавелли утверждал, что власть, «добытую» любовью, удержать можно, лишь полагаясь на мотив страха, а способов достижения цели всего два: закон и насилие; Наконец, страх активно изучается как феномен, следовательно, данный предмет интересен правящим.

Возможно, человеческая жизнь, как и наша планета, движимая полюсами, наполняется каким-то смыслом благодаря «блужданию» между смешным и страшным? И смех, и страх — исключительно человеческие проявления, но, почему смех требуется сдерживать, цензурировать-контролировать, а страх распространять? Заметим, что речь идет о формах смеха, имманентно присущих данному народу. Почему бы его («родной» смех) не шлифовать, развивая, сохраняя? Зачем насаживать, якобы формируя культуру смеха, чуждое-неродное (не в смысле иностранное, а в смысле искусственное, притянутое; обозначать это культурой более высокого уровня и, пользуясь

³⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰ Синодальная церковь, отказавшись от юродства в XVIII веке, также начала на него гонения.

⁴¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырков Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 150.

⁴² Там же. С. 149.

⁴³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 440.

⁴⁴ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 233.

Сравнительный анализ технологий, возбуждающих смех и страх

Устрашение (включая казнь)	Политический праздник
1	2
<i>1. По степени эффективности воздействия</i>	
Результат влияния достигается быстро; достижение цели максимально подстраховывается спецорганами	Цель достигается не сразу: подготовка, воспитание, образование, формирование определенного уровня общественной культуры, что требует значительного времени
<i>2. По степени затратности</i>	
Обходится сравнительно дешевле, чем подготовка празднеств: сценарий один, психологически ориентированный на страх жизненного финала	Подготовка многоплановая и тщательная, затратная; требуется разнообразное множество сценариев
<i>3. По виду и подготовке профессиональных кадров</i>	
В качестве исполнителей специальным образом подбираются люди, психически устойчивые и с крепкой нервной системой, поэтому текучесть кадров нежелательна; обслуживающий персонал выучен и натренирован на повторяющиеся функции: пугать, наказывать и умерщвлять; длительное обучение не требуется	Спецкадры обширные, так как людей требуется много: и творчески разноплановых, и привлекательных внешне; отбор кадров носит естественный характер, по причине разнообразия выполняемых функций; отобранные кадры требуют специального длительного обучения; эстетическое воспитание обязательно
<i>4. По затратности используемого инструментария</i>	
Средства умерщвления однотипны; возможно их многократное использование	Средства воплощения разнообразны, подчас многократное использование невозможно: шары, спецсимволика, игрушки, пиротехника и др.
<i>5. По виду достигаемого результата</i>	
Приводит к разобщению людей, подчас намеренно; испуг, как правило, стараются не показывать, а слезы, как правило, прятать	Консолидирует по своей природе: «Вместе весело...»; смех требует публичности, так как «одинокое веселье» или смеющийся в одиночестве человек наводит на размышление о его адекватности

© NOTA BENE (ООО "НБ-Медиа") www.nbpublish.com

силой власти, обращать народ в эту «синтетику», «суррогат», «псевдосмешное»)? Почему для сдерживания смеха требуется колоссальный аппарат власти, и почему для этого используется именно страх, который этим аппаратом так масштабно тиражируется? Следовательно, смех сильнее страха! Итак, «Страх» против «Смеха» или «Смех» против «Страх»?

Заметим, что технологии устрашения, в том числе и казни, в условиях развитого общества становятся непопулярными. Более того, на определенном этапе эти технологии даже неактуальны, а в некоторых случаях и недопустимы, как подчеркивающие слабость или неполноценность властвующих. Человечество пересматривает ценности, основной ценностью провозглашена чело-

веческая жизнь, поэтому наказание человека или лишение его жизни необходимо обосновывать, доказывать. Что касательно праздника любой природы, он является одним из главнейших инициаторов веселья и смеха; древнейший институт культуры, дарующий эмоцию в виде утоленной радости единения в свободе от будничного, своего рода, «ниша» ликования свободы.

Далее предлагается сравнение технологий массового воздействия, вызывающих, с одной стороны, страх, а, с другой, — технологий-гарантов смеха. В качестве критериев сравнения выдвигаются следующие: степень эффективности воздействия, степень затратности, вид и подготовка профессиональных кадров, затратность используемого инструментария и вид достигаемого результата.

Сравнение производится в таблице «Сравнительный анализ технологий, возбуждающих смех и страх» (см. таблицу на стр. 625).

Подведем некоторый итог. Устрашение обходится дешевле: во-первых, результат достигается быстрее, во-вторых, масштабы воздействия оправдывают затраты. Искреннего здорового смеха добиться сложнее, так как он сам есть результат некоего определенного уровня внутренней человеческой культуры. Но, с другой стороны, столь затратный механизм, коим является, например, праздник, и запретить нельзя: мера слишком непопулярна, да и как показывает история, просто невозможная.

В заключение можно сказать, что выполненное сравнение еще раз убеждает в правильности вывода: страх, особенно социальный, как и сами технологии, его провоцирующие, не отличаются разнообразием, более того, они не ориентированы на человеческую индивидуальность в том объеме, в каком на нее ориентирована смеховая культура. Повторимся, что «страховый рычаг», подвергающий мучению тело и изъедающий душу, конечен смертным страхом, для сравнения, предмет смеха беспределен, он есть плод разумности человека (в традициях Аристотеля), а «тренировать», унифицировать, усреднять человеческий разум практически

невозможно. В данном случае, самой действенной унификацией будет оглушение, упрощенчество, стандартизация мысли, что ведет к нивелированию личности, далее — к управлению смехом, формированию культуры смеха. Но, поскольку «предметом воспитания» является человеческий разум, то какой бы массивной (в некоторых случаях в виде намеренной идиотизации) на него не была атака со стороны правящих, беспределность совершенствования не даст возможности добиться нужного результата в виде абсолютно «выровненного», выхолощенного интеллекта, чего-то вроде «национальной» лоботомии.

Не секрет, что «...за смехом никогда не таится насилие, ...смех не воздвигает костров, ...лицемерие и обман никогда не смеются, а надевают серьезную маску, ... смех знаменует не страх, а сознание силы»⁴⁵. К сожалению, техники устрашения становятся более изощренными, а общества, в которых народ смеется чаще, чем подвергается пыткам страха, утопичны. Но, все-таки, в любом состоянии, желание стать лучше — неисчерпаемо, поэтому, сколь могущественной не была бы «свита» страха, мы не разучимся радоваться обновлению. В конце концов, ведь только в ликах радости мы празднуем свободу, искренне смеемся и наслаждаемся жизнью!

Список литературы:

1. Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
2. Аристотель. О душе // Соч. М., 1978. Т. 3.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990.
4. Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1992.
5. Боров Ю.Б. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. М.: Звонница — МГ, 1995.
6. Боров Ю.Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М.: Книга, 1991.
7. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
8. Камю А. Чума // Камю А. Избранное. М., 1988.
9. Лаврикова И. Политический праздник: культурфилософская интерпретация: Монография. Saarbrücken, Germany: LAP, 2012.
10. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. — Л., 1984.
11. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
12. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича. — М.: Прогресс, 1988.

⁴⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. С. 109.

13. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, 1997.
14. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

References (transliteration):

1. Andrusenko V.A. Sotsial'nyy strakh (opyt filosofskogo analiza). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991.
2. Aristotel'. O dushe // Soch. M., 1978. T. 3.
3. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa. 2-e izd. M.: Khudozh. lit., 1990.
4. Bergson A. Smekh / Predisl. i primech. I.S. Vdovina. M.: Iskusstvo, 1992.
5. Borev Yu.B. Kratkiy kurs istorii XX veka v anekdotakh, chastushkakh, baykakh, memuarakh po chuzhim vospominaniyam, legendakh, predaniyakh i t. d. M.: Zvonitsa — MG, 1995.
6. Borev Yu.B. Staliniada: memuary po chuzhim vospominaniyam s istoricheskimi pritchami i razmyshleniyami avtora. M.: Kniga, 1991.
7. Kamyu A. Buntuyushchiy chelovek. M., 1990.
8. Kamyu A. Chuma // Kamyu A. Izbrannoe. M., 1988.
9. Lavrikova I. Politicheskiy prazdnik: kul'turfilosofskaya interpretatsiya: Monografiya. Saarbrücken, Germany: LAP, 2012.
10. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v Drevney Rusi. L., 1984.
11. Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedeniya. M., 1955.
12. Fink E. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevody / Sost. i poslesl. P.S. Gurevicha. M.: Progress, 1988.
13. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu. SPb, 1997.
14. Khaydegger M. Chto takoe metafizika? // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. M., 1986.